

ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПРИМЕНЕНИЯ УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И НОРМАТИВНО-ПРАВОВЫХ АКТОВ СОВЕТСКОГО ВРЕМЕНИ ПРИ ПРОВЕДЕНИИ ПОЛИТИЧЕСКИХ РЕПРЕССИЙ ПРОТИВ СЕМЕЙ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ В УССР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ 30-х ГОДОВ XX СТОЛЕТИЯ

Александр ГУРНЯК,

адъюнкт Военного института Киевского национального университета имени Тараса Шевченко

Summary

Analyzed the essence of repression as a tool of political struggle against the Red Army families of soldiers. Defined legal prerequisites for the formation of a totalitarian system on the basis of the criminal law and the regulations of the NKVD as a tool of repression of the military families in Ukraine. Preconditions of repression against women and children of military personnel of the Workers 'and Peasants' Red Army on the territory of the USSR in the second half of the 30 – years of XX century. The analysis of the political characteristics of the instruments of the NKVD and the criminal law for the repression of the military families of the 'Workers and Peasants' Red Army in the Soviet Union during the second half of the 30s of XX century.

Key words: repressions, military personnel of The Workers' and Peasants' Red Army, political opposition, The People's Commissariat for Internal Affairs, enemy of the people.

Аннотация

Проанализирована сущность репрессий как инструмента политической борьбы против семей военнослужащих РККА. Определены юридические предпосылки формирования тоталитарной системы на основании уголовного законодательства и актов НКВД как инструмента осуществления репрессий против семей военнослужащих в УССР. Определены политические предпосылки репрессий против жен и детей военнослужащих Рабоче-крестьянской Красной армии на территории УССР во второй половине 30-х годов XX столетия. Осуществлен анализ особенности применения актов НКВД и уголовного законодательства для проведения репрессий в отношении семей военнослужащих Рабоче-крестьянской красной армии в СССР во второй половине 30-х годов XX столетия.

Ключевые слова: репрессии, военнослужащие РСЧА, политическая борьба, органы НКВС, «враг народа».

Введение. Становление коммунистического режима и формирование единого централизованного государства в СССР было сопряжено с активным противодействием политического центра любым националистическим проявлениям в союзных республиках. Процессы централизации и построение новой вертикали власти предусматривали необходимость формирования новых номенклатурных кадров, которые бы были преданы не столько идеям коммунизма, сколько руководству партии и лично И. Сталину. В этом контексте национальная украинская интеллигенция была подвержена серьезным репрессиям и притеснениям в 1920-1930 гг. XX века, а во второй половине 1930-х был запущен механизм репрессий против военнослужащих РККА в УССР, как возможной и наиболее реальной оппозиции власти. Однако уже в процессе реализации репрессивной политики власть обнаружила необходимость проведения репрессий и против семей военнослужащих РККА. Мировая и Европейская общественность выработала категорическую позицию относительно репрессий 1930-х гг. XX в., осуждая

политику коммунистического режима, признавая методы политического руководства СССР, особенно в отношении репрессированных семей военнослужащих РККА их жен и детей во второй половине 30-х гг. в УССР, как антидемократические, и антисоциальные.

Целью и задачей статьи является анализ правового обеспечения и механизма репрессий против семей военнослужащих РККА во второй половине 30-х гг. в УССР, а также правоприменительной практики норм уголовного и уголовного-процессуального права УССР.

Методы и использованные материалы. Большое внимание исследованию причин, форм и последствий репрессий в отношении семей военнослужащих имели место в СССР и на территории Украины во второй половине 30-х годов XX века уделяли в своих трудах такие ученые, как Яковлев А.Н., Вронская Т.В., Черушев Н.С., Сувениров О.Ф., Лазарев С.Е. и др. Особое внимание уделялось научным исследованиям проблематики проведения репрессий военнослужащих РККА и членов их семей, проведенных в условиях независимой, демократической Украины представителями киевский истори-

ческой школы. В процессе проведения исследования были использованы системный, структурно-функциональный методы, метод сравнительно-правового анализа, а также формально-юридический, и методы герменевтики.

Изложение основного материала.

Исследование правовых предпосылок и политических оснований для проведения репрессий и преследования семей военнослужащих в УССР во второй половине 1930-х годов в настоящее время с правовой точки зрения не завершено, а исследования проводились по историческому направлению, которые осуществляли такие историки, как Вронская Т.В., Яковлев А.Н., Солженицын А. и другие. Рассмотрение и исследование уголовного законодательства, подзаконных актов и решений руководящей политической силы большевиков было сформировано в советское время начиная с 1917 года после захвата ими власти. Данное исследование будет способствовать дальнейшему развитию демократизации украинского законодательства, государства и общества, что позволит усовершенствовать современное уголовное законодательство и законодательство о реабилитации в юридическом и полити-

ческом смысле бывших узников лагерей, их жен и детей.

В Европейском Союзе отношение к тоталитарной системе и коммунизму носит крайне негативный характер и приравнивается к тоталитарной системе, созданной А. Гитлером и созданному им нацизму, что можно увидеть в соответствующих резолюциях Европарламента, Парламентской Ассамблеи Совета Европы, Комитета Министров ПАСЕ, ОБСЕ, в требованиях к Украине по включению ее в европейское сообщество. Это принятие за основу европейских ценностей по отношению к жизни, правам и свободам человека, а также развитие свободного демократического государства. Эти постулаты и характерны для условий, выдвинутых Украине в п.п. 5-8 Резолюции ПАСЕ от 25.01.2006 года № 1481, регламентирующих необходимость присоединения к международному осуждению преступлений тоталитарных коммунистических режимов, коммунистических партий и являются сейчас законными и активно действуют в Украине. ПАСЕ уверено, что знание истории является одной из предпосылок предотвращения подобных преступлений в будущем. Моральная оценка и осуждение содеянных преступлений имеют большое значение для воспитания молодых поколений четкостью определения отношения международного сообщества к прошлому, что может стать ориентиром на будущее.

Исследования правовых аспектов проведения репрессий в отношении семей военнослужащих РККА необходимо рассмотреть в контексте основного документа, который применялся во второй половине 30-х годов XX столетия, а именно подзаконный акт, оперативный приказ наркома НКВД Н. Ежова от 15 августа 1937 года № 00486 с названием «Об операции по репрессированию жен и детей изменников Родины членов правотроцкистских шпионско-диверсионных организаций, осужденных военной коллегией и военными трибуналами по первой и второй категории, начиная с 1-го августа 1936 года». Необходимо обозначить основные положения этого неправомочного документа в самом правовом казале на то время государстве на земле, а на деле – тоталитарной системы, где, как выяснилось, сын за отца и жена за мужа (даже третья), брат за брата все-таки отвечает. Некоторые постулаты оперативного приказа есть смысл

озвучить в преддверии высказывания ученого, лауреата Нобелевской премии академика Ивана Павлова, направленное в декабре 1934 года правительству СССР о посеве по всему культурному миру фашизма идеологами революции 1917 года, и фашизма нигде раньше не было, и только большевиками использовался террор и насилие [1, с. 115]. Подготовка операции, согласно приказу № 00486: «Она начинается с тщательной проверки каждой семьи, намеченной к репрессированию. Собираются дополнительные компрометирующие материалы. Затем на их основании составляются: а) общая справка на семью; б) отдельная краткая справка на социально опасных и способных к антисоветским действиям детей старше 15-летнего возраста; в) именные списки детей до 15 лет отдельно дошкольного и школьного возраста. Справки рассматриваются наркомом внутренних дел республик и начальниками краев и областей управлений НКВД, которые: а) дают санкции на арест и обыск жен изменников родины; б) определяют мероприятия в отношении детей арестованной. Производство арестов и обысков. Аресту подлежат жены, состоящие в юридическом или фактическом браке с осужденным в момент его ареста. Аресту подлежат также и жены, хотя и состоявшие с осужденным к моменту его ареста в разводе, но причастные к контрреволюционной деятельности осужденного, укрывавшие его, знавшие о контрреволюционной деятельности, но не сообщившие об этом органам власти. После производства ареста и обыска арестованные жены осужденных конвоируются в тюрьму. Одновременно порядком, указанным ниже, вывозятся дети. На каждую арестованную и на каждого социально опасного ребенка старше 15-летнего возраста заводится следственное дело. Они направляются на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР. Особое совещание рассматривает дела на жен изменников родины и тех их детей, старше 15-летнего возраста, которые являются социально опасными и способными к совершению антисоветских действий. Социально опасные дети осужденных, в зависимости от их возраста, степени опасности и возможности исправления, подлежат заключению в лагеря или исправительно-трудовые колонии НКВД, или направлению в детские дома особо-

го режима Наркомпросов республик по персональным нарядам ГУЛАГа НКВД для первой и второй групп, и АХУ НКВД СССР – для третьей группы. Всех оставшихся после осуждения детей-сирот размещают в следующем порядке: 1) детей в возрасте от 1-1,5 лет до 3-х полных лет – в детских домах и яслях Наркомздравов республик в пунктах жительства осужденных; 2) детей в возрасте от 3-х полных лет и до 15 лет – в детских домах Наркомпросов других республик, краев и областей (согласно установленной дислокации) и вне Москвы, Ленинграда, Киева, Тбилиси, Минска, приморских и пограничных городов; 3) в отношении детей старше 15 лет вопрос решать индивидуально; 4) грудные дети направляются вместе с их осужденными матерями в лагерь, откуда по достижении возраста 1-1,5 лет передаются в детские дома и ясли Наркомздравов республик. Если же сирот пожелают взять родственники (не репрессирываемые) на свое полное иждивение, этому не препятствовали. Согласно указанному Приказу, в каждом городе, в котором производилась подобная операция, специально оборудовались приемно-распределительные пункты, в которые доставлялись дети, тотчас же после ареста их матерей и откуда они направлялись по детским домам». По состоянию на 4 августа 1938 года у репрессированных родителей были изъяты 17 355 детей и намечались к изъятию еще 5000 детей. 21 марта 1939 года Берия сообщал Молотову о том, что в исправительно-трудовых лагерях у заключенных матерей находятся 4500 детей ясельного возраста, которых предлагал изъять у матерей и впредь придерживаться подобной практики. Детям начали присваивать новые имена и фамилии [1, с. 148]. С точки зрения Сталина, женщины, репрессированные в рамках приказа 00486, были не просто женами «врагов народа», а жены элиты: партийных и советских деятелей, руководителей промышленности, видных военных, деятелей культуры [2], элиты, которая сложилась в первые два десятилетия советской власти и которую Сталин к середине 30-х годов рассматривал или как балласт, или как постоянный источник заговоров против этой самой власти и против него лично. Личный опыт наблюдения Сталина над семейным бытом революционеров-подпольщиков ему подсказывал, что жены

и дети его бывших соратников и сторонников как старых, так и более молодых, должны быть на стороне своих мужей и отцов, а это делало их соучастниками преступлений. Такого рода представления и легли в основу репрессий против семей военнослужащих. В отношении иезуитского понятия И. Сталиным семьи можно определить открытием в Москве 20 декабря 1936 года Всесармеевского совещания жен командного и начальствующего состава РККА на котором он же и присутствовал, а открывал его нарком обороны К.Е. Ворошилов при участии Маршалов Советского Союза С.М. Буденного, В.К. Блюхера, А.И. Егорова, М.Н. Тухачевского и комиссара 1-го ранга Я.Б. Гамарника, где были обнародованы обобщенные данные об участии жен командиров в общественно-политической, оборонно-массовой и культурно-просветительной работе. Итоги этих результатов: 57 тысяч из них являлись членами политических школ и кружков, 20 тысяч получили среднее образование в общеобразовательных школах и курсах. К началу работы совещания 56 тысяч женщин-членов семей командиров РККА имели по одной и более оборонных специальностей 2000 педагогов, 1000 библиотечных работников, 1500 руководителей различных кружков, 600 руководителей коллективов художественной самодеятельности и 20 тысяч ее участников из числа жен командиров насчитывала Красная Армия в конце 1936 года. Две трети всех заведующих детскими садами и яслями в частях и гарнизонах составляли они, боевые подруги комначсостава РККА. Делегатами этого совещания были избраны и наиболее активные представители из высшего, «генеральского» звена: С.Л. Якир – жена командующего войсками КВО; З.М. Федько – жена командующего Приморской группы войск ОКДВА; Г.А. Егорова – жена начальника Генерального штаба РККА; Ю.К. Руднева – жена командующего Краснознаменной Амурской флотилией и некоторые другие. Сарра Якир избирается в президиум совещания вместе с Зинаидой Федько, а Галина Егорова и Юлия Руднева выступили с обменом опыта оборонной и культурно-шефской деятельности в частях и учреждениях. Постановлением ЦИК СССР «за энергичную работу среди жен командного и начальствующего состава и за активное участие в куль-

турно-просветительной работе в частях Рабоче-Крестьянской Красной Армии» была награждена орденами СССР. Но это не убергло их от расправы и были репрессированы (расстреляны) вслед за своими мужьями.

В отношении репрессий семей военнослужащих необходимо прежде всего обратиться к действующему в то время уголовному законодательству, согласно правовым нормам которых и осуществлялись непосредственно репрессии жен и детей военнослужащих РККА. Что касается начала репрессий в отношении семей военнослужащих, необходимо отметить, что по всему Уголовному кодексу УССР начиная с 1927 года и в 1934 прослеживается более жесткий подход при назначении санкций именно для военнослужащих по ст. 54 УК УССР (введена статья в Уголовный Кодекс РСФСР 1927 в редакции от 20.07.1934. Была аналогом ст. 58 Уголовного кодекса РСФСР от 1926), которая предусматривала ответственность военнослужащих за «контрреволюционную деятельность» и «измену родине» и их семей. Относительно контрреволюционных преступлений, следует отметить, что за измену родине, военнослужащему, предусматривалась лишь высшая мера наказания с конфискацией всего имущества за ст. 54-1б [3, с. 30]. Чтобы предостеречь военнослужащих от такого преступления, в Уголовный Кодекс РСФСР ввели специальную статью: в случае побега или перелета за границу военнослужащего – к совершеннолетним членам его семьи, если они чем-то способствовали подготовленному или совершенному предательству или хотя бы знали о ней, но не довели об это до сведения властей, применяется – лишение свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией всего имущества. Ко всем прочим совершеннолетних членов семьи изменника, живших вместе с ним или были на его иждивении к моменту совершения преступления, может – лишение избирательных прав и ссылке в отдаленные районы Сибири на пять лет (ст. 54-1в) [3, с. 30]. Юридически, с правовой точки зрения, этой статьей было узаконено систему семейного заложенничества, которая применялась большевиками от начала их правления. Кроме семейного заложенничества с помощью Уголовного Кодекса УССР внедрено и заложенничество более широкого, всеоб-

щего масштаба. Контрреволюционным преступлением было признано недонесение граждан о подготовке или совершении измены. За такое преступление могли лишиться свободы на срок, больше шести месяцев, а в случае недонесение военнослужащим – на десять лет ст. 54-1г [3, с. 30]. За совершение этих преступлений применяли высшую меру социальной обороны – расстрел или объявление врагом трудящихся с конфискацией имущества и лишением гражданства союзной республики и тем самым гражданства Союза ССР и изгнание из пределов Союза ССР навсегда, с допущением при смягчающих обстоятельствах понижения до лишения свободы на срок не менее трех лет с конфискацией всего или части имущества.

Рассматривая политические предпосылки репрессий большевиками военнослужащих, их жен и детей, необходимо начать с царской семьи, с расстрела Императора Российской империи царя Николая II и его семьи в Ипатьевском доме в Екатеринбурге, что фактически «узаконило» правовой беспредел. Без суда и следствия были расстреляны его жена Царица Александра, Царевны Ольга, Татьяна, Мария, Анастасия вместе с Цесаревичем Алексеем. Этот расстрел организовало правительство Ленина с введением 5 сентября 1918 года красного террора, издав знаменитый декрет «О красном терроре». Можно ли было в то время после расстрела царя искать законности последующих расстрелов не царских семей: жен, матерей и детей военнослужащих, которые остались верны себе, своим принципам, семье и своей присяге. Началом же репрессий на территории Украины против семей врагов народа можно обозначить 1917 годом, с первым захватом столицы УНР города Киева войсками Муравьева и массовыми расстрелами их жителей красноармейцами. Следом были 1929-1931 года с началом проведения коллективизации и депортации так званых «куркулей» вместе с семьями за Урал, в 1934-1935 годах. С 1936 года и с 1939-1957 года начали использовать репрессии в отношении семей военнослужащих, творческой интеллигенции и националистов. Система семейного заложенничества подтверждается примером расстрела в 1919 году в Петрограде родственников офицеров 86-го пехотного полка, перешедшего к белым, в том числе и их детей. В мае

1920 года газеты сообщили о расстреле в Елисаветграде четырех девочек 3-7 лет и старухи-матери одного из офицеров. «Городом мертвых» называли в 1920 году Архангельск, где чекисты расстреливали детей 12-16 лет [1, с. 145].

В советском законодательстве 1934 г. появляется термин «член семьи изменника родине», согласно Постановлению ЦИК СССР от 8 июня привлекались к ответственности семьи военнослужащих, перебежавших за границу. В зависимости от того, знали ли они (могли знать) или нет, то членов семей карали лагерем от 5 до 10 лет или ссылкой в Сибирь на 5 лет. Одним из поводов к очередному ужесточению уголовного законодательства в отношении детей стало письмо Ворошилова от 19 марта 1935 года, направленное на имя Сталина, Молотова и Калинина. Девятилетний подросток напал с ножом на сына зампрокурора Москвы Кобленца. К. Ворошилов писал: почему бы «подобных мерзавцев» не расстреливать? ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 года издают постановление «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних». В нем сказано: «...несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания». В связи с этим на местах возник вопрос о возможности применения к детям высшей меры наказания. Разъяснение Политбюро от 26 апреля 1935 года, при утверждении его с учетом правок лично сделанных И. Сталиным, определило, что к числу мер уголовного наказания относится также и высшая мера социальной защиты (расстрел) в противоположность самого Уголовных кодексов РСФСР и УССР. Это Постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 7 апреля 1935 года, подписанное лично Сталиным, Молотовым и Акуловым с рукописными дополнениями Сталина. В первом пункте постановления говорится, что «Несовершеннолетних, начиная с 12-летнего возраста, уличенных в совершении краж, в причинении насилия привлекать к уголовному суду с применением всех мер уголовного наказания» – то есть и к высшей мере тоже. Согласно протоколу заседания Политбюро ЦК ВКБ(б) от 26 апреля 1935 г., подписанный Сталиным, в повестке которого помимо прочего стоял вопрос «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних», где разъяс-

нялось, что «к числу мер уголовного наказания относится также и высшая мера (расстрел)». Другой пункт отменяет статьи Уголовного Кодекса, «по которым расстрел к лицам, не достигшим 18-летнего возраста, не применяется». Те же пункты содержатся и в Разъяснении органам суда и прокуратуры, подписанном прокурором Союза ССР Вышинским и председателем Верховного суда Винокуровым. 20 мая 1938 года издается новый приказ НКВД «Об устранении ненормальностей в содержании детей репрессированных родителей». В приказе говорится, что среди детей репрессированных родителей имеют место антисоветские, террористические проявления, которые необходимо пресекать и искоренять. Исходя из этого можно сделать вывод о об физическом уничтожении как жен так и детей репрессированных военнослужащих, невзирая на уголовные санкции УК по 5-8 лет лагерям. Первые лагеря на контролируемой большевиками территории появились летом 1918 года. Декреты СНК от 14 января 1918 г. и от 6 марта 1920 г. отменили «суды и тюремное заключение для несовершеннолетних», однако уже в 1926 г. статья 12 УК разрешила судить детей с 12-летнего возраста за кражу, насилие, увечья и убийства. Необходимо понимать, что и в отношении всех детей применялись репрессии и направлялись дети - на строительстве Беломорканала, БАМа т.т.д. [4, с. 84.]. Максим Горький, после посещения Беломорканала и воспевавший великие стройки, сказал, что это прекрасный способ перевоспитания заключенных.

В 1934 года в уголовное законодательство введены нормы, несмотря на принятые основных принципов Уголовного законодательства, которые обозначены в ст. 6 «Основных началах уголовного законодательства Союзу ССР», и определено было, что наказание применяется исключительно к особам, виноватых в уголовно-наказуемых деяниях, квалифицируемых как преступление [5, с. 8, 83]. В подтверждение этого тезиса можно привести высказывание известного правоведа и обвинителя на открытых уголовных процессах Н. Крыленко, который прямо заявлял: «Наши законы – это формы, благодаря которым партия выражает свою волю. Эти законы есть не что иное, как указание партии» [1, с. 164]. Таким образом, в Уголовное право

вводился антигуманный для него институт семейного заложничества, последующим этапом развития которого стали созданные НКВД та ОГПУ составы преступления, где фигурировали понятия «жена изменника родины» та «член семьи изменника Родины», больше известные и используемые как аббревиатуры ЖИР та ЧСИР. Принятие «Сталинской» Конституции 5 декабря 1936 года, как основного Закона СССР (подготовленной Бухариным – автор) практически задекларировала формальный подход к ее исполнению, а юридически обозначила ее игнорирование Высшим партийным руководством УССР, при наличии подзаконных актов НКВД, Постановлений и распоряжений партийных органов большевиков. Практически же ее принятие обозначило формальный переход от диктатуры пролетариата к социалистической демократии, а юридически обозначило полное укрепление тоталитарной системы и управления вертикалью власти. В свою очередь, лишение закрепленных Конституцией прав продолжило применяться к членам семей военнослужащих на основании использования подзаконных актов органами НКВД, что способствовало проведению массовых репрессий в отношении жен, детей и родственников, обозначенных как члены семей изменника Родины (ЧСИР) [6, с. 25-30]. Постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) «Про аресты, прокурорский надзор та ведения следствия» в ноябре 1938 года политический террор был приостановлен в УССР до 1939 года, а возобновлен был партийными органами после вхождением в ее состав западных частей Украины [7, с. 203-204].

Выводы. Проводимая политика правящей партии в отношении репрессий против семей военнослужащих дает полную юридическую картину по использованию подзаконных актов в противовес принципов уголовного права и даже принятого уголовного законодательства на основании только политических решений и воли В. Ленина, И. Сталина. Следствием установления тоталитарного режима есть физическое уничтожение не только противников режима, но и самих семей партийцев, военнослужащих РККА и НКВД, которые были расстреляны вслед за ними. На данный момент в Украине созданы все предпосылки, чтобы провести полноценный судебный процесс для правовой

квалификации политических репрессий 1936-1938 гг. на основании материалов следствия и проверок, проведенных Военной прокуратурой Центрального региона и СБУ в 1989-2009 годах, и руководство государства должно было бы поддержать проведение такого процесса. На самом деле нет никаких сомнений в том, что Сталин и его подручные виновны в умышленных массовых убийствах, а коммунистический тоталитарный режим сделал массовый террор практикой государственного управления в СССР и сам по себе преступен. Однако необходимо установить эти факты согласно международному законодательству и законодательству Украины путем принятия соответствующих государственных решений на основании резолюции ПАСЕ № 1481.

Список использованной литературы:

1. Яковлев А. Н. Сумерки [Размышления о судьбе России] / Александр Яковлев. – Изд. 2-е, доп. и перераб. – М.: Материк, 2005. – 672 с.
2. Сталинские расстрельные списки. Компакт-диск. – М.: Мемориал-Звенья, 2002.
3. Уголовный кодекс УРСР. – К.: Юридическое изд-во Наркомюста СССР, 1938. – С. 30.
4. Солженицын А. Архипелаг ГУЛАГ. 1918-1956: Опыт художественного исследования. Том 2. «Новый Мир». – Москва, 1990. – 301 с.
5. Иванова Г. М. История ГУЛАГа. 1918-1958: социально-экономический и политико-правовой аспекты / Галина Михайловна Иванова; Российская академия наук, Ин-т рос. истории. – Москва: Наука, 2006 (СПб.: Типография «Наука»). – 437 с.
6. Уголовное законодательство СССР и союзных республик (Основные законодательные акты): сборник / Сост.: Е. М. Ворожейкин, О. И. Гацико и др.; Отв. ред. Д. С. Карев. – М.: Госюриздат, 1957. – 531 с.
7. Вронская Т. В. Заручники тоталитарного режиму: репресії проти родин «ворогів народу» в Україні (1917-1953 рр.). – К.: Ін-т історії України НАН України, 2009. – 486 с.

ПРОЦЕССУАЛЬНО-ПРАВОВОЕ ОФОРМЛЕНИЕ ПРАВООЩИТНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ АДМИНИСТРАТИВНЫХ СУДОВ

Александр ДЖАБУРИЯ,

соискатель кафедры административного права и процесса Национального университета «Одесская юридическая академия», судья Одесского апелляционного административного суда

Summary

The article is devoted to defining the essence of procedural and legal support of the administrative courts in cases of administrative jurisdiction of the protection of rights, freedoms and interests of citizens against unlawful decisions, actions and omissions of the subjects of power. Characterized by the main features of the administrative and procedural form, its main characteristics and distinctive features. Determined by the characteristics of procedural and legal regulation of administrative proceedings.

Key words: administrative process, administrative justice, the administrative proceedings.

Аннотация

Статья посвящена определению сущности процессуально-правового обеспечения деятельности административных судов по делам административной юрисдикции, связанных с защитой прав, свобод и интересов граждан от неправомерных решений, действий и бездействий субъектов властных полномочий. Характеризуются основные признаки административно-процессуальной формы, ее основные признаки и отличительные черты. Определяются характерные особенности процессуально-правового регулирования административного судопроизводства.

Ключевые слова: административный процесс, административная юстиция, административное судопроизводство.

Поскольку защита прав и свобод человека является главной обязанностью государства, то вполне логично отметить, что создание эффективного и доступного процессуально-правового механизма защиты конституционных и отраслевых прав и свобод человека и гражданина является насущной задачей административного судопроизводства, что обусловлено различными конституционными и законодательными факторами. Данный факт обуславливает актуальность исследования вопросов процессуально-правового оформления осуществления административного судопроизводства.

Вопрос об эффективности правового регулирования деятельности административных судов в Украине, а также ответственности этой деятельности задачам, поставленным перед административной юстицией, является сегодня очень актуальным. И хотя отдельные ученые, среди которых следует отметить В.Б. Аверьянова, И.П. Голосниченко, С.В. Кивалова, А.Т. Комзюка, Ю.С. Педько, В.С. Стефанюка, М.М. Тищенко и др., исследовали эту проблему, определение основных элементов правового статуса административного суда не получило достаточного обоснования.

Целью данной статьи является определение основных признаков процессуально-правового оформления правозащитной деятельности административных судов и характеристика их сущности.

Главными средствами защиты гражданами своих конституционных прав и свобод по процессуальному содержанию является внесудебная и судебная защита.

Внесудебные средства защиты гражданином своих конституционных прав и свобод по механизму рассмотрения и разрешения спора можно разделить на административные, парламентские и общественные.

Каждая система административной юстиции предполагает, что решение споров физических или юридических лиц с субъектом властных полномочий относительно обжалования его решений (нормативно-правовых актов или правовых актов индивидуального действия), действий или бездействия, происходит в определенной процессуальной форме. Основания для возбуждения процесса во всех системах в целом совпадают. Такими основаниями, как правило, выступают: 1) некомпетентность субъекта властных полномо-